

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Ф.И. ТЮТЧЕВА И Э.Э. ДИКИНСОН

Ю.С. Пятчиков, Т.Е. Комаровская

Annotation. The article concerns the peculiarities of philosophical views of the romantic poets of the Orient-by Fyodor Tyutchev (1803 – 1873) and Emily Dickenson (1830 – 1886) to life, death of the innovative ideas, concepts and speculation of German classical philosophy. Approved statement that Fyodor Tyutchev and Emily Dickenson was designed the original philosophical-poetic and aesthetic concept. Understanding and reading of the last are possible in the realization of all the poetic meditations in their integrity and unity. The author notes in general terms the innovative approaches of poets-meditativists on specific knowledge objectives put forward by the main followers of German classical philosophy, as well as the original draft of both poets on the poetry and philosophy of synthesis on the so-called philosophy of poetry. Presented by theme, an oracular and Astral dialogue of the great poet of thought with American "recluse Amherst"

Ключевые слова: поэт-медитативист (поэтическая личность), медитативная лирика (медитация), трансцендентализм (немецкий, русский и американский), романтическая эстетика

Немецкая классическая философия рубежа XVIII – XIX веков увидела всё сущее в совершенной взаимосвязи. Было пересмотрено отношение субъекта и объекта (вызванное новаторскими суждениями Ж.-Ж. Руссо). Немецкие мыслители (И. Кант в первую очередь) впервые провозгласили активность сознания, вторжение субъекта в объект и их непрерывное взаимодействие. Особым образом понималось соотношение мира и человека. Мир мыслился проникнутым идеей гармонии, целесообразности, естественного порядка. А человек рассматривался как существо деятельностное и познающее.

У Ф.И. Тютчева есть стихотворения, зная только особенности композиционного и образного воплощения в поэтическом слове которых, найдешь всё, что определяет специфику стиля данного поэта и построение образной системы. Таким стихотворением у него, несомненно, является бессмертный шедевр с латинским названием «*Silentium!*» (1830), обозначающим молчание. Но о каком «молчании» идёт речь? Во-первых, о молчании внутреннего мира человека, никак не сводимого к конкретным словесным формулам, и мира окружающего, внешнего. Во-вторых, последний из указанных миров подразделяется, как собственно и мир души человеческой, на две антагонистические друг по отношению к другу сферы: *гармоничную* и *негармоничную (дисгармоничную)*. Они постоянно противоборствуют и, непримиримые, определяют ход дальнейших событий в обоих мирах, в зависимости от исхода, от итога поединка, который вовек и никогда не прекращается. Следует заметить, что впоследствии в самых разных интерпретациях попытки найти объяснение тайне «молчания» будет предпринимать и Э.Э. Дикинсон в куда ещё более чеканных формах. Она не раз будет рассуждать, как раз, по необходимости уединяясь, будучи уже уединённой, следующим образом: «Скажи идущим ко дну – что этот – ныне незыблемый – / Тоже терпел крушение – и подымаясь со дна – / Рос – укрепляясь действием – а не поиском мысленным – / Как уходила Слабость – как Сила была рождена. / Скажи им – что самое худшее минет – через мгновение – / Пуля в бою не страшна – страшен летящий свист. / Если пуля войдёт – с нею войдёт Молчание – / Смертный миг аннулировал право тебя убить» [1; с. 447, перевод В.Н. Марковой]. Великая «амхерстская отшельница» и «белая монахиня» в контексте сказанного относительно тютчевской медитации значительно углубляет эту философскую мысль, превознося в ней «поиск мысленный» над «действием». Не столь ужасно существование самой вещи, в данном случае – пули, сколько то, что она приведена в действие и призвана нарушить нормальный, привычный, уже сложившийся лад и строй вещей «летящим свистом». Но всё это ничего: только мгновение, а за ним неумолимо войдёт Молчание, отождествляемое со Смертью. И у Э. Дикинсон страшнее Её нет ничего более. Ведь Она как будто намеренно повергает нас в состояния, доведённые до крайности, когда один только штрих – и вот уже Она, и всё больше ничего нет – одно Молчание. Но ведь прежде был поиск мысли, а он, к сожалению, прерыва-

ется с Ней. Конечно, в данном контексте *тютчевская категория молчания* лишь углубляется и значительно высится над всеми прочими, предъявляемыми в этом поэтически-философском мире. Однако в целом точки корреляции до поры до времени совпадают, но результат их совершенно различен.

Следовательно, внимание к человеческой душе, а значит, у обоих поэтов – и к душе Природы, и к Мировой Душе, образы «незамутнённых ключей» у Тютчева, солнца, луны и звёзд у обоих поэтов, *явление иллюминацио (озарения)*, отношение к Вечности, Смерти, Душе и к Богу, интуитивное познание, отношение к поэтической деятельности, выражающейся в «молчании», словно ненароком приходящих пророчествах и видениях как проложенном пути к Тайному Знанию, каковое не должно быть раскрыто, позволяет нам окончательно заключить, что немецкая классическая философия есть органическая основа всего поэтического творчества Ф.И. Тютчева и Э.Э. Дикинсон.

Литература

1. Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Том 119: *Генри Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Уолт Уитмен. Стихотворения и поэмы. Эмили Дикинсон. Стихотворения.* – «Художественная литература», М., 1976. – 526 с. Американская поэзия в русских переводах. XIX – XX вв. Сост. С.Б. Джимбинов. На англ. яз. с параллельным русск. текстом. М.: Радуга. – 1983. – 672 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ